

УДК 336.71, 339

DOI: 10.36992/2075-1915_2020_5_2

БЛАГОСОСТОЯНИЕ И СБЕРЕГАТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ¹

Амосова Н.А., д-р экон. наук, проф., профессор, департамент «Финансовые рынки и банки», ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

E-mail: NAAmosova@fa.ru

РИНЦ Author ID: 386448

ORCID ID: 0000-0002-4232-1406

Коровин Д.И., д-р экон. наук, доц., профессор, департамент «Анализ данных, принятия решений и финансовых технологий», ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

E-mail: DIKorovin@fa.ru

РИНЦ Author ID: 351707

Литвин В.В., канд. экон. наук, доц., доцент, департамент «Финансовые рынки и банки», ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

E-mail: VLitvin@fa.ru

РИНЦ Author ID: 351707

ORCID ID: 0000-0002-1677-8138

Для цитирования: Амосова Н.А. Благостояние и сберегательное поведение субъектов российской экономики / Н.А. Амосова, Д.И. Коровин, В.В. Литвин // Банковские услуги. – 2020. – № 5. – С. 2–11. – DOI: 10.36992/2075-1915_2020_5_2

Аннотация

Благостояние населения, преодоление бедности и значительного экономического неравенства рассматриваются сегодня как важнейшие задачи глобального, регионального и национального порядка. По мнению авторов, особый вклад в их решение может внести исследование взаимозависимости уровня и качества жизни, иных аспектов благостояния, с одной стороны, содержания, форм и видов сберегательного поведения субъектов – с другой. Целью статьи является выявление и характеристика взаимосвязи благостояния и сберегательного поведения, обоснование необходимости и возможности оптимизации сберегательного поведения субъектов российской экономики.

Ключевые слова: *благостояние, неравенство, сберегательное поведение, национальная сберегательная система, оптимизация сберегательного поведения субъектов экономики, порог сберегательной бедности.*

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации.

Введение

Исходным пунктом исследования является положение об особой ценности и фундаментальности обеспечения роста благосостояния и развития сберегательных отношений для экономической системы страны. Авторы полагают, что рост государственных социальных расходов не только не является препятствием для экономического роста, но может способствовать росту доходов на душу населения и на благосостояние в целом и открыть новые возможности по активизации сберегательного и инвестиционного процессов.

Центральный пункт исследования в рамках статьи представлен обоснованием необходимости управления сберегательным поведением субъектов экономики, в том числе – в целях повышения их благосостояния. Другими словами, важнейшим направлением повышения благосостояния является оптимизация сберегательных процессов в экономической системе, которая должна начинаться с оптимизации сберегательного поведения субъектов экономики.

Основными результатами исследования следует считать развитие ранее сформированного подхода к пониманию сущности благосостояния и актуальных представлений о национальной сберегательной системе и сберегательных процессах [2] за счет расширения понятийного аппарата. Например, введения понятия «порог сберегательной бедности», выявления критериев оптимальности, обоснования необходимости оптимизации сберегательного поведения, разработки основ модели оптимизации сберегательного поведения субъектов экономики.

Предметная область статьи и полученные результаты исследования, по мнению авторов, обеспечивают **приращение нового зна-**

ния о сущности, состояниях и возможности оптимизации обеспечения благосостояния и сберегательного поведения субъектов экономики на основе выявленных критериев его оптимальности и предложенного описания модели оптимизации.

Методологическую основу исследования составляют методы системного анализа и статистического моделирования.

Основные модели благосостояния и выбор базового вектора государственной экономической политики

Существенные изменения, произошедшие за относительно короткий срок в экономической и, прежде всего, финансовой сфере, спровоцировали качественный скачок в исследованиях проблематики экономического роста и факторов, его определяющих. А также в переосмыслении всей концепции государства всеобщего благоденствия – от взглядов классиков до современных представлений о ценности и многокомпонентности благосостояния как экономического и социального явления. Кроме того, в стыковых исследованиях экономистов [7; 8; 11; 13; 14], психологов и социологов [9; 10], математиков [12], в том числе в сфере поведенческих финансов [6].

Отметим, что, несмотря на большое количество интересных исследований в области обеспечения определенных параметров благосостояния, сбережений, сберегательных систем и сберегательной политики, в этой сфере остается много не только спорных, но и не поднятых вопросов.

Достигнутый уровень благосостояния, наряду с другими факторами, предопределяет приверженность субъектов экономики к определенному типу сберегательного поведения. Представляется весьма перспективным

изучение этих зависимостей. Такого рода исследований в экономической литературе мы не встретили.

Кроме того, неисследованным является вопрос обоснования возможности и необходимости такого моделирования сберегательного поведения субъектов экономики, которое бы мультиплицировало повышение их благосостояния. Остаются открытыми вопросы обоснования выбора приоритетов в экономической политике в области обеспечения требуемых темпов социальной динамики и оптимизации сберегательных процессов.

Эволюция воззрений на ценность и реалистичность достижения благосостояния для всех вылилась в теоретическую дискуссию, промежуточным итогом которой стали оформившиеся концепции и модели благосостояния. В 90-е гг. XX в. сформировались и были выявлены три основные модели благосостояния (Эспинг-Андерсен, 1990 г., [10]), получившие условные названия «либеральная модель благосостояния», «континентальная» и «скандинавская». Позже, в 2012 г., в рамках тех же методологических установок, были выделены «средиземноморская» модель благосостояния и модель стран Центральной и Восточной Европы [13].

Суть скандинавской модели, которой придерживались на практике Швеция, Дания, Финляндия и Исландия, как известно, состояла и состоит в реализации политики компенсаторных мер, направленных на нивелирование негативных последствий глобализации, борьбу с неравенством и на повышение благосостояния. Близкая по своему содержанию континентальная модель была принята Германией, Францией, Австрией, Бельгией, Нидерландами, Швейцарией, Люксембургом и некоторыми другими государствами.

Концептуальная установка, положенная в основу неолиберальной модели благососто-

яния, содержит тезис о том, что увеличение государственных социальных расходов препятствует экономическому росту, особенно в условиях глобализации, а отсюда делается вывод о необходимости прежде всего стимулировать развитие конкуренции, а не обеспечение благосостояния. Именно по такому пути шел англо-саксонский мир – США, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Ирландия. Весьма близкие по содержанию модели были приняты группой стран Средиземноморья (Италия, Франция, Испания, Португалия) и стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) – Чехии, Венгрии, Эстонии, Польши, Словакии и др.

Как видим, близкие модели благосостояния были выбраны странами с весьма разными экономическими и социальными достижениями. Естественно, имплементация ключевых установок в экономическую политику столь разных по уровню экономического и социального развития стран дала весьма разные результаты, которые активно исследуются и неоднозначно интерпретируются (см., например, [14]), к существующим и общепринятым моделям добавлены азиатская (Япония и Корея), «социалистическая» (Китай, Вьетнам) и др.

Можно предположить, что модели благосостояния, модели экономического роста и модели сберегательного поведения взаимосвязаны и взаимозависимы.

Парадоксы современного состояния экономики России и сбережения

Как справедливо отмечают некоторые эксперты [3], требует отдельного изучения вопрос о том, почему в России, имеющей профицитный бюджет, низкую и управляемую инфляцию, значительные золотовалютные резервы, один и самых низких в мире уровень государственного долга, относительно низкую безра-

ботицу, положительные платежный и торговый балансы, высокую кредитную активность населения, складывается негативная экономическая ситуация с низкими темпами экономического роста или его отсутствием (по разным оценкам), со стагнирующим уровнем жизни, высоким (неоправданно высоким) уровнем экономического неравенства и низкой инвестиционной активностью.

Полагаем, что такая парадоксальная ситуация оказалась возможной, в том числе, из-за недооценки российской экономической властью необходимости принятия компенсационных мер для поддержания уровня жизни населения. Россия действовала в логике неолиберальной и средиземноморской моделей и модели стран ЦВЕ. На наш взгляд, этот выбор неудачен. Страны, уклонившиеся от такой политики (со скандинавской и континентальной моделями), увеличивающие уровень расходов на социальное обеспечение и пр., имеют более впечатляющие перспективы повышения благосостояния и развития сберегательных процессов.

Становится все очевиднее, что ориентир на международные индексы, оценки, прогнозы и рекомендации далеко не всегда дает положительный результат, если особенности национальной экономической системы учитываются не в полной мере. Так, достижение намеченных целей по многим макроэкономическим показателям не обеспечило, тем не менее, запланированный экономический рост, реализацию национальных проектов в намеченных масштабах. Несмотря на позитивную динамику валовых сбережений к ВВП (рис. 1), проблемы в экономике продолжали накапливаться.

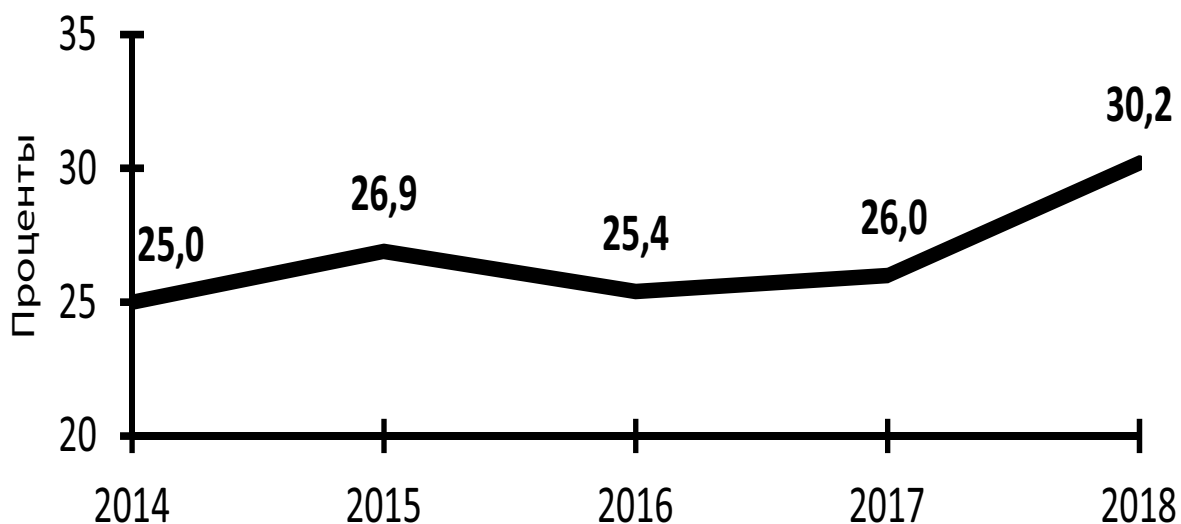
В итоге это привело к превышению доли сбережений в ВВП (28 %) над долей инвестиций в ВВП (23,1 %) в 2019 г. [3], но заложена эта тенденция была еще в 2017-2018 гг. (рис. 2).

Графики характеризуют в некотором плане предрасположенность к накоплению и инвестициям в России. Очевидно, что склонность к сбережениям пока выше склонности к инвестированию. Отсюда – часть проблем с негативной динамикой экономического роста и благосостоянием.

Динамика валовых сбережений в общей структуре источников средств для инвестиций положительная (табл. 1, строка 1), но, к сожалению, помимо прочего, имеет место традиционное ежегодное уменьшение абсолютных значений валовых сбережений за счет неблагоприятной разницы между капитальными трансфертами – переданными и полученными.

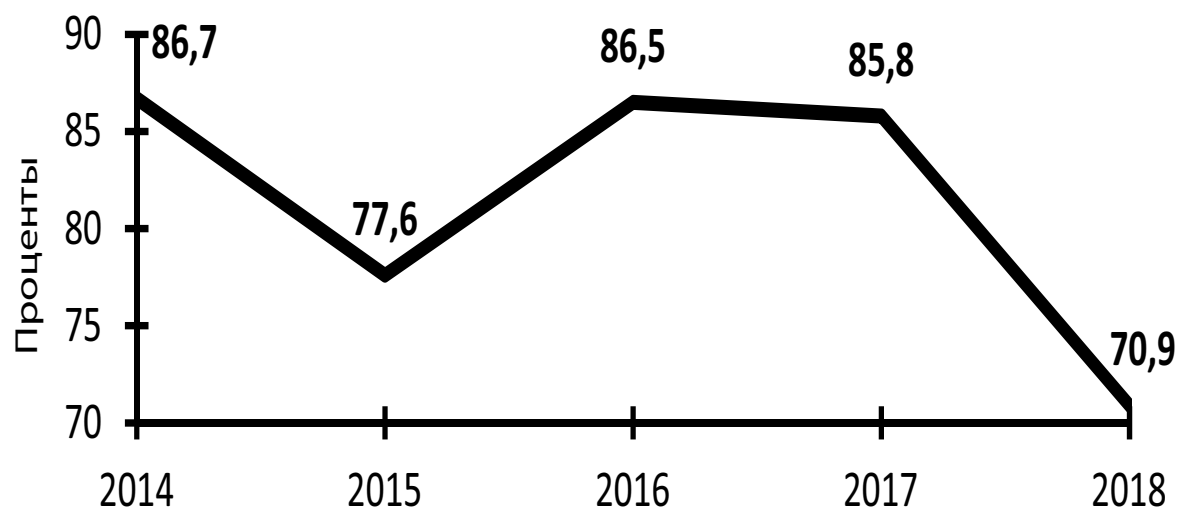
Структура финансовых вложений в долгосрочной перспективе существенно отличается от структуры вложений на короткое время. Если в краткосрочном периоде предпочтение отдается банкам, то в долгосрочном – паям, акциям и другим формам участия в капитале (табл. 2).

По мнению экспертов ЦМАКП, текущая ситуация позволяет наращивать внутренние заимствования, поскольку уровень госдолга весьма низкий, спрос на гособлигации в апреле 2020 г. восстановился, а уровень доходности ОФЗ нормализовался. Как видим, в условиях борьбы с последствиями пандемии и предотвращением еще более тяжелых ее последствий, основными источниками финансирования дополнительных расходов федерального бюджета могут быть заимствования на внутреннем рынке. При этом безопасный уровень госдолга, при котором отсутствуют риски дефолта или попадания в долговую спираль, оцениваются ЦМАКП в 27% ВВП, тогда как по итогам 2019 г. этот показатель составляет 12,8% ВВП [4]. То есть, у государства есть виды и на все имеющиеся сбережения, не превратившиеся в инвестиции, и на будущее.

Источник: [1, с. 13].

Рисунок 1. Отношение валового сбережения к ВВП РФ, 2014-2018 гг. (в %)

Источник: [1, с. 14].

Рисунок 2. Отношение валового накопления основного капитала к валовым сбережениям РФ, 2014-2018 гг. (в %)

Таблица 1

Динамика валовых сбережений в общей структуре источников средств для инвестиций (в текущих ценах; млрд руб.)

Показатели	2010	2015	2016	2017	2018
Валовое сбережение	12206,1	22333,0	21871,8	23962,3	31350,8
Капитальные трансферты, полученные от «остального мира»	20,0	18,5	65,5	28,7	13,6
Капитальные трансферты, переданные «остальному миру»	24,5	33,9	116,6	37,4	80,1
Итого	12201,6	22317,6	21820,7	23953,6	31284,3

Источник: [1, с. 15].

Таблица 2

Структура долгосрочных и краткосрочных финансовых вложений в 2018 г. (млрд руб.)

Показатели	Долгосрочные		Краткосрочные		Накоплено (на конец 2018 г.), млрд руб.
	млрд руб.	В процентах	млрд руб.	В процентах	
Финансовые вложения, всего	32636,1	100	213867,3	100	87834,8
В том числе:					
в паи, акции и другие формы участия в капитале	14354,6	44,0	8263,7	3,9	51417,2
в долговые ценные бумаги и депозитные сертификаты	7148,0	21,9	45390,0	21,2	4118,9
предоставленные займы	7808,5	23,9	46463,7	21,7	21067,1
банковские вклады	2498,6	7,7	94652,8	44,3	7689,9
прочие финансовые вложения	826,4	2,5	19097,1	8,9	3541,7

Источник: [1, с. 113].

Критерии оптимальности сберегательного поведения субъектов экономики

Приступая к выделению критериев оптимальности сберегательного поведения субъектов экономики, уточним их состав.

Полагаем, что к **субъектам экономики**, чье сберегательное поведение можно (стоит) оптимизировать, при первом приближении к существу вопроса следует отнести субъекты семи групп: бизнес-структуры с участием в капитале государства (100 % принадлежит государству; контрольный пакет принадлежит государству; незначительное участие государства в капитале и деятельности бизнес-структуры); коммерческие бизнес-структуры – 100 % (с участием иностранного капитала и без); индивидуальные предприниматели; физические лица – наемные работники в госструктурах (бюджетники); физические лица – наемные работники в коммерческих структурах (с участием государства и без); пенсионеры; рантье.

Цель **оптимизации** сберегательного поведения основных групп субъектов экономики нам видится как обеспечение требуемых параметров сберегательного поведения субъектов экономики (желательного диапазона форм сбережений, максимизации объема сбережений и сроков; минимизация объемов возможного отрыва сбережений) за счет повышения управляемости сберегательного поведения субъектов экономики; верно отобранных управленческих инструментов; скорости реагирования управленческих воздействий и т.п.

Критерии оптимальности сберегательного поведения субъектов экономики на начальном этапе исследования, по мнению авторов, должны включать в себя следующие позиции:

- выбор организованных форм сбережений;
- максимизация сроков, на которые осуществляются сбережения (чем длиннее, тем лучше);

- выбор наименее «подвижных» форм сбережений (например, безотзывных вкладов, срочных вкладов, некоторых инструментов фондового рынка и пр.);
- регулярное пополнение сбережений (периодичность: ежемесячно, ежеквартально, ежегодно; неравномерно или равномерно);
- сохранение статуса сбережений (своего рода безотзывность средств из сберегаемой массы на цели потребления);
- содействие удалению субъекта сбережений от порога сберегательной бедности.

Оптимальность сберегательного поведения определяется теми задачами, которые стоят перед государством и способствуют благосостоянию населения. Очевидно, что существуют стратегические и тактические задачи, цели которых можно определить как использование сберегательной массы субъектов системы для решения конкретных инвестиционных задач, стоящих перед государством. Поэтому государство может и должно влиять на финансовые характеристики, определяющие успешность форм и методов сбережения для субъектов; государство может и должно создавать такие условия, которые провоцируют требуемые формы сбережения и позволяют решать государственные задачи. Значит, оптимальность сберегательного поведения, с позиции государства, определяется наличием достаточного объема сберегательной массы в тех формах, которые могут быть использованы для достижения государственных задач.

Подходы к разработке модели оптимизации сберегательного поведения субъектов экономики России

Опишем математическую модель, которая даст возможность оценить качественные характеристики динамики изменения объемов различных форм сбережений, концентрации

сбережений у различных групп субъектов, изменения характеристик удаленности от порога сберегательной бедности.

В основе модели будет использован аппарат марковских цепей. Под марковской цепью понимают последовательность случайных событий, в нашем случае с конечным числом исходов, для которых вероятность наступления зависит от состояния, достигнутого на предыдущем шаге. Марковское свойство можно интерпретировать так: будущее (Б) зависит от настоящего (Н), но не зависит от прошлого (П):

$$P(Б|НП)=P(Б|Н).$$

(Вероятность будущего (Б) при условии настоящего (Н) и прошлого (П) равна вероятности будущего (Б) при условии настоящего (Н).

Рассмотрим последовательное применение марковских динамик на двух группах случайных событий. Первая группа – это количественные характеристики численности рассмотренных нами субъектов, вторая – характеристики распределения субъектов по формам хранения сбережений.

Пусть $V(t)$ – валовой объем сбережений в момент времени t , $p(t)=(p_1(t), \dots, p_7(t))$ – вектор долей распределения сбережений между семью категориями экономических субъектов, описанных нами ранее². В результате экономико-социального развития эти доли изменяются. Это изменение описывается с помощью так называемой стохастической матрицы $Q(t)$.

В каждой из семи строк этой матрицы – оценки частот перехода сбережения от одной группы субъектов к другой. Так, элемент $q_{12}(t)$ (элемент первой строки и второго столбца) обозначает, какая доля сбережений

первой группы субъектов станет сбережениями второй группы в период с номером t . Это может, например, происходить при активной приватизации. Очевидно, сумма элементов в каждой строке равна 1 – мы говорим о распределении суммы в момент t , динамика величины самой суммы будет выявлена, к примеру, с помощью эконометрического моделирования.

Определяя коэффициенты матрицы $Q(t)$ в зависимости от ожиданий изменения социально экономической ситуации, мы прогнозируем распределение будущей суммы всех сбережений $V(t+1)$ по группам наших субъектов $(v_1(t+1), \dots, v_7(t+1))$:

$$(v_1(t+1), \dots, v_7(t+1)) = V(t+1)p(t+1) = V(t+1)p(t)Q(t). \quad (1)$$

Для каждой группы субъектов выясним распределение по формам сбережений. Например, для группы б:

$D_{b0}(t)$ – оценка доли пенсионеров, не имеющих сбережений;

$D_{b1}(t)$ – оценка доли пенсионеров, имеющих неорганизованные сбережения;

$D_{b2}(t)$ – оценка доли пенсионеров, имеющих депозиты до востребования;

$D_{b3}(t)$ – оценка доли пенсионеров, имеющих срочные депозиты;

.....

$D_{bn}(t)$ – оценка доли пенсионеров, сберегающих в высоколиквидных финансовых инструментах.

Экспертно оценивая текущую социально-экономическую эволюцию, можно построить стохастическую матрицу $K_b(t)$ $(n+1) \times (n+1)$, с помощью которой можно будет оценить динамику n долей форм сбережений:

² Эти доли могут быть определены экспертно или заданы оценками. В нашей модели нас интересуют качественные процессы. В силу линейности математических преобразований, точные количественные значения не существенны, существенным является их динамика. Она и будет определять качественные характеристики нашего сберегательного процесса.

$$\begin{aligned} (d\delta_0(t+1), \dots, d\delta_n(t+1)) = \\ (d\delta_0(t), \dots, d\delta_n(t))K\delta(t). \end{aligned} \quad (2)$$

При этом оценка суммы сбережений в каждой из i -й форм для группы данных субъектов $f\delta_i(t+1)$ необходимо проводить по формулам:

$$f\delta_0(t+1) = 0, \\ f\delta_i(t+1) = d\delta_i(t+1) \cdot v_i(t+1) \cdot \frac{1}{(1-d\delta_0(t+1))}, \quad (3)$$

.....

$$f\delta_n(t+1) = d\delta_n(t+1) \cdot v_n(t+1) \cdot \frac{1}{(1-d\delta_0(t+1))}, \\ (v_1(t+1), \dots, v_n(t+1)) = V(t+1)p(t+1) = \\ V(t+1)p(t)Q(t).$$

Аналогично для других групп субъектов.

Подобный алгоритм позволяет анализировать объемы частичных сумм сбережений в различных формах сбережений и у различных категорий экономических субъектов в моменты t и $t+1$. Группируя суммы по формам сбережений, мы получаем оценку направления динамики количества активов в той или иной форме в зависимости от ожиданий развития экономико-социальных процессов.

Действительно, ожидания развития в нашей модели трансформируются в коэффициенты матрицы Q и матриц K_s , $s=1, \dots, 7$.

Методика определения этих коэффициентов может быть следующей.

Матрицы K_s . Экспертам предлагают оценить значимость процедуры перевода сбережений с позиций представителя группы субъектов группы s , который хранил свои сбережения в i -й форме во все остальные, поставив оценку от 0 до 10 (в $n+1$ позицию). Возможно, во многих ячейках будет стоять 0 (это значит, что эксперт не видит заинтересованности использования в предложенном экономическом сценарии и переводит активы в эту форму). Возможно, в позиции с номером i будет

стоять 10, а в остальных позициях будут нули (это значит, что эксперт предполагает, что представитель группы не будет менять форму сбережений). Далее все значения подлежат нормировке (сумма элементов в строке должна быть равна 1). Для этого все элементы складываются, и каждый делится на эту сумму. Подобную оценку необходимо повторить для каждого i , а далее – и для каждой группы субъектов.

Матрицы $Q(t)$ также можно оценить аналогичным образом.

Заключение

1. К числу основных критериев оптимальности сберегательного поведения, на наш взгляд, следует отнести следующие: предпочтение организованных форм сбережений; максимизация сроков сбережений; выбор наименее подвижных форм сбережений; регулярное пополнение сбережений; обеспечение целевого характера сбережений; содействие удалению от порога сберегательной бедности.

2. Преодоление порога сберегательной бедности (под которым мы понимаем такой уровень доходов и социального обеспечения, который не позволяет осуществлять сбережения) взаимосвязано с решением проблемы преодоления неравенства, с выбором модели благосостояния, модели экономического роста и напрямую влияет на формирование и основные параметры сберегательного поведения субъектов экономики.

3. Полагаем, что аппарат марковских цепей подходит для оценки: динамики изменения объемов сбережений в различных формах; концентрации сбережения у различных субъектов экономики; и, главное, для оценки удаленности субъектов экономики от порога сберегательной бедности.

Библиографический список

1. Инвестиции в России. 2019: Стат. сб./ Росстат. – М., 2019. – 228 с. ISBN 978-5-89476-471-9. – URL: https://gks.ru/storage/mediabank/Invest_2019.pdf
2. Литвин В.В. Приоритеты развития сберегательной системы Российской Федерации: монография / В.В. Литвин. – М.: РУСАЙНС, 2019. – 242 с.
3. Мау В. Денежная пробка: в каком состоянии российская экономика встретила пандемию / Forbes. Финансы и инвестиции. – URL: <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/396357-denezhnaya-probka-v-kakom-sostoyanii-rossiyskaya-ekonomika-vstretila> (дата обращения: 03.05.2020).
4. Презентация «Бюджет и условия восстановления: оценки ЦМАКП», представленная на совещании в Минэкономразвития от 5 мая 2020 г. – URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/Penukhina/budg052020.pdf
5. Федеральная служба государственной статистики РФ. Население. Уровень жизни. Доходы, расходы и сбережения населения / Федеральная служба государственной статистики: сайт. – Баланс денежных доходов и расходов населения. – URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 30.04.2020).
6. Baker H. Kent, Nofsinger John R. Behavioral finance: Investors, Corporations and Markets. Hoboken, New Jersey: JohnWiley & Sons, Inc. 2010. 768 Pages. ISBN 978-0-470-49911-5.
7. Boatright John Raymond. Finance ethics: critical issues in theory and practice / John R. Boatright. p. cm. – (The Robert W. Kolb series in finance), p. 592. ISBN 978-0470-76809-9; Published by John Wiley & Sons, Inc., Hoboken, New Jersey.
8. Bonoli G. (1997). Classifying welfare states: a two-dimension approach. *Journal of Social Policy*, 26 (3), p. 351-372.
9. Brady D., Beckfield J., Seeleib-Kaiser M. (2005). Economic globalization and the welfare state in affluent democracies (1975–2001). *American Sociological Review*, 70 (6), p. 921-948.
10. Esping-Andersen G. (1990). The three political economies of the welfare state. *International Journal of Sociology*, 20 (3), p. 92-123.
11. Ferrera M. (1996). The ‘Southern model’ of welfare in social Europe. *Journal of European Social Policy*, 6 (1), p. 17-7.
12. Granger C.W. (1969). Investigating causal relations by econometric models and cross-spectral methods. *Econometrica: Journal of the Econometric Society*, 37 (3), p. 424-438.
13. Hay C., Wincott D. (2012). *The Political Economy of European Welfare Capitalism*. London: Palgrave Macmillan.
14. Pasquale Tridico, Walter Paternes Meloni (2018). Economic growth, welfare models and inequality in the context of globalisation / *The Economic and Labour Relations Review* Volume: 29 issue: 1, p. 118-139. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/1035304618758941>